

* * *

Говори же – я слушаю:
Воздух осени – сух.
Выпрямляется к лучшему
То ли дым, то ли дух.
Как дымы вертикальные,
Мысли вытянуты
До смешной, до печальной ли,
До седой высоты.
Потому что от холода
Строже беглая жизнь.
Потому что обходится
Без ненужных чужих
Сторона, где предзимие
Занавеской чиркнёт –
И потянется синее
На полгода вперёд.
Что бродило и маялось
От тюрьмы до сумы –
Отпустить хоть на малость бы
В кладовую зимы.
Тут земля долговязая,
Степь, начало начал...
Что б ты здесь не рассказывал –
Всё равно замолчал.
Здесь любое звучание
Дребезжит, как стекло.
Здесь надёжней молчание
И теплее тепло.

* * *

Пролетая над жизнью, успеи рассмотреть,
Как она уязвима.
Ты-то думал, что самое главное – смерть,
Будто ею, как ластиком, можно стереть
Всё, что живо и зримо.
Ты-то думал, что главное – то, что грубей.

Проигравшись вчистую
В ненадёжной игре меж идеей и рублей,
Ты как будто в беспечных стрелял голубей,
В их ненужность пустую.
Но от слабых людей станут сильными те,
Кто в защиту им призван.
Так с ребёнком в опасной бредя темноте,
Ты бесстрашен, как призрак.
Ты несёшь мотылька в нерушимом огне,
Будто всадник бессмертный на вещем коне,
Потому что любовь – одержимость.
Потому что я верила в то, чего нет:
В невесомую жизнь и спасительный свет.
И скажи мне, что я не ошиблась.

* * *

В непонятном,
совсем заблудившемся мире,
наугад, как слепец
в незнакомой квартире,
за ладонью на выход шурша...
А куда торопиться
со скоростью взгляда?
Если медленно падает
яблоко сада –
замереть и стоять посреди листопада:
слушать, как опадает душа.
Как по воздуху язва идёт моровая –
Голодна и щедра, как тоска мировая.
А чего ей стесняться, ответь? –
Если мы не стыдимся хозяйского шага
По Земле, для которой
мы – листья и влага.
Так бери эту чёрную ветвь,
Эту чёрную весть. Как она недвижима...
Может быть, в ней ещё
не иссохла пружина,
что раскачивала голоса?

В заповедном саду
ты зовёшь издалёка —

и я снова иду в оперении лёгком,
по пути закрывая глаза...